

Но кто же все-таки прав в сем споре: Лихачев или Гумилев? Черта Истины пока не подведена. Возможно, что глядя на одно и то же исполниское явление – Россию под разными углами зрения, правы оба.

Александр Запесоцкий

Нам ясен долгий путь?

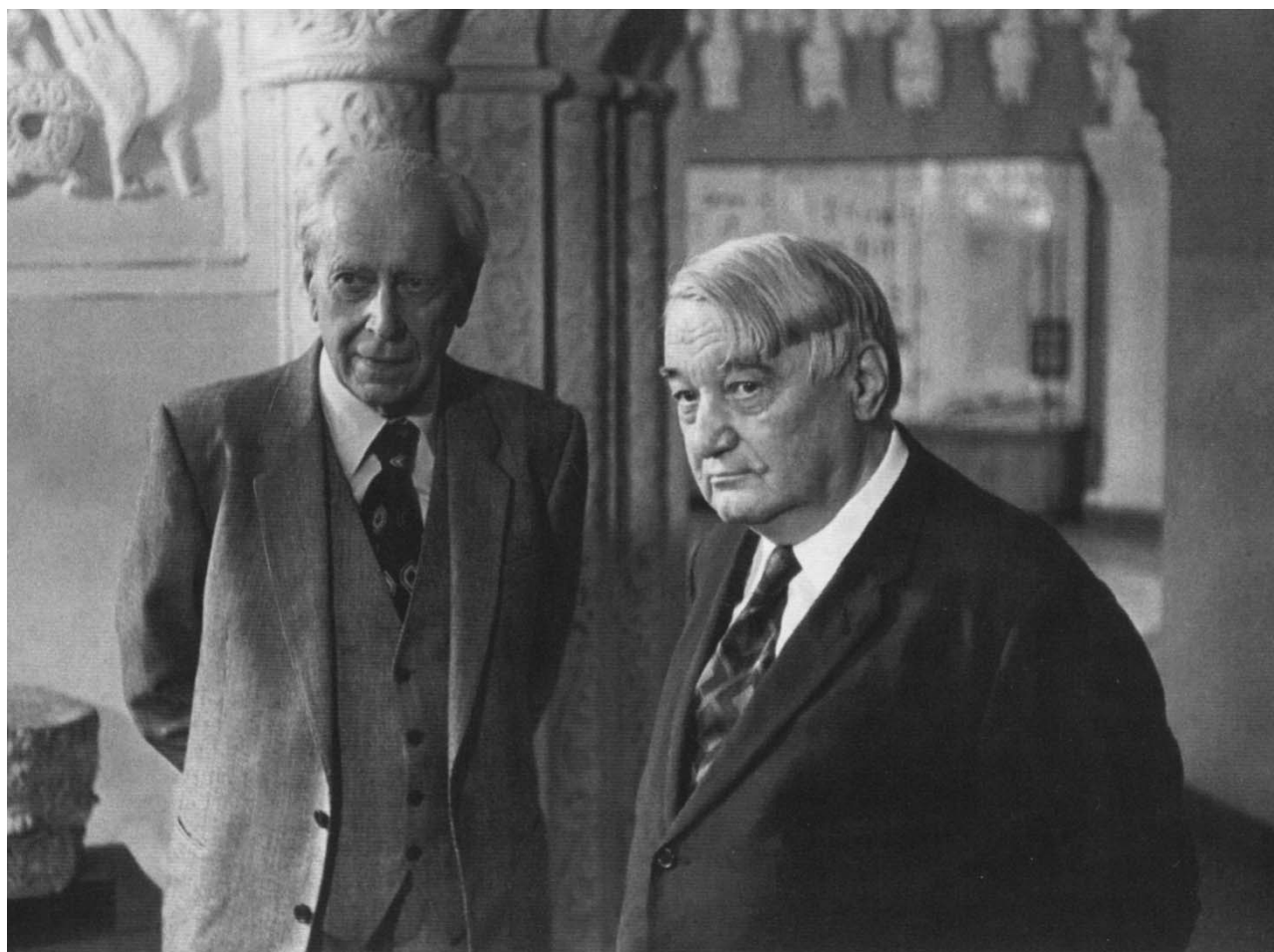
Дмитрий Лихачев и Лев Гумилев: дискуссия продолжается...

Кто мы такие, люди, живущие в России? К какому родовому гнезду следует нам отнести себя и предков своих – к Западу, Востоку, Евразии? Или мы – «двух станом не боец, а только гость случайный»: являемся чем-то особенным, оригинальным, самобытным? От века длится этот «спор славян между собою, домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою», разносясь гулким эхом по бескрайней Вселенной. Вопросов много, доводов и контрдоводов еще больше, а ответ пока далек, как горизонт. Однако горячая полемика не стихает и не стихнет, поскольку от нашего решения зависит глобальный вектор броуновского движения в будущее. Ведь будущее – это некий проект, сформированный нашим прошлым. Такие постулаты выдвигает новая книга об академике Лихачеве, подготовленная Гуманитарным университетом профсоюзов для издательства «Наука». Очень интересна глава, сопоставляющая взгляды западника Дмитрия Лихачева и евразийца Льва Гумилева. Об этих взглядах, в чем-то схожих и в чем-то противоположных, рассуждают авторы главы – профессор Александр Запесоцкий и Юрий Зобнин.

Немного о личном

Александр Запесоцкий.
Когда заходит речь о Дмитрие Лихачеве и Льве Гумилеве, никто, во всяком случае среди интеллигенции, не нуждается в дополнительных пояснениях. С точки зрения их теорий, их исторических и геополитических установок все в общих чертах понятно. А вот об их личных контактах и связях известно, увы, гораздо меньше. Впрочем, то, что доступно сегодня нашему прочтению, обнадеживает и вселяет оптимизм. Например, в знаменитой статье «О русской интеллигенции» академик Лихачев положительно, даже радужно воспринимает рукописи Льва Николаевича, называя его самого талантливейшим историком-фантастом. Это было произнесено не после смерти прославленного евразийца, как, допустим, обронил товарищ Сталин во след ушедшему Маяковскому, а при жизни своеобразного мыслителя – как ученый в адрес ученого. Разумеется, со щепоткой соли. Историк-фантаст... Кроме того, в книге воспоминаний «Жизнь в чужих словах...» напечатано письмо Дмитрия Сергеевича Льва Гумилеву, помеченное 15 апреля 1969 года. Академик сожалеет о редких встречах и приглашает коллегу вместе с женой к себе. То есть отношения были вполне корректными, дружескими, теплыми. И не напрасно замечательная выставка, работавшая несколько недель назад в Музее Гумилева на Коломенской улице, поведала нам о «параллелях» в жизни и творчестве двух именитых петербуржцев... Правда, в приведенном письме Лихачев заметил, что они с Гумилевым пребывают на разных полюсах Ленинграда. Такую ремарку нужно, думается, понимать не в прямом, но и в переносном смысле и общекультурном, и философском, и символическом. Ибо если Лев Гумилев являлся, по собственному мироощущению, последним евразийцем, то образ Дмитрия Лихачева неотделим от новейшего российского западничества. В привычной системе координат оба друга-оппонента явно расходятся по разным полюсам, и никакие взаимные похвалы не отменяют сего объективного обстоятельства.

Юрий Зобнин.
Напомню, что Дмитрий Лихачев не только рецензировал сочинения профессора Гумилева. Его участие в судьбе опального исследователя было глубоким и объемным. Через двадцать лет после упомянутой переписки, в 1989-м, московское издательство «Мысль» выпустило книгу «Древняя Русь и Великая Степь» – итоговое фундаментальное творение Льва Гумилева. Споры вокруг этой книги, которую, по моему мнению с полным правом считать вершинным достижением нашей евразийской мысли, не прекращаются и поныне. Но само по себе издание «Руси и Степи», воспроизведенное позже не один раз, отличалось особым колоритом: предисловие к нему написал именно Дмитрий Лихачев. И мнение маститого «западника» оказалось для стойкого «евразийца» мощным и даже решающим доводом не только во всех его жарких стычках с многочисленными противниками, но и для самой публикации книги. Ну а дальше я приведу фрагмент из нашей, Александр Сергеевич, общей главы «Дмитрий Лихачев –

Дмитрий Лихачев и Лев Гумилев были оппонентами, но при этом относились друг к другу доброжелательно

великий русский культуролог». Академик, ничуть не теряя лица и изычно упоминая, что в исторической части почти все авторские тезисы для читателя неожиданны, спокойно заявляет: «Спорить с Гумилевым по частностям мне не хочется; в его концепции они имеют подчиненный характер. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое». Само же «евразийское кредо» является, по лихачевской оценке, весомым вкладом в развитие отечественной, да и не только отечественной, истории.

Место на глобусе

Александр Запесоцкий.
Спасибо, Юрий Владимирович, за приведенный отрывок. Тем не менее антитеза западничество-евразийство в доктринах обоих крупнейших ученых, безусловно, присутствует и доминирует. О западниках и упоминать не приходится: и в разгар горбачевской перестройки, и на тропе ельцинских реформ эти люди задавали тон духовным поискам чуть не всей российской интеллигенции. Евразийская же линия пробивалась в общественную мысль более ломаными зигзагами. Евразийцами окрестили себя интеллектуалы – эмигранты первой волны (Павел Савицкий, Петр Сувчинский, князь Николай Трубецкой и Георгий Флоровский), издавшие в 1921 году в Софии сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения». Беженцы от большевизма искали и как будто нашли свое понимание исторических путей России и специфики нашего общества. Шесть лет спустя к десятилетию Октябрьского переворота князь Трубецкой громко объявил, что «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, а ее территорию – Евразией».

Словом, евразийцы задолго до Льва Гумилева с его откровенной апологией Чингисхана выработали собственное видение русской национальной судьбы. В манифесте 1927 года утверждалось, что Россия представляет особый мир. Мир, чьи процессы «в основном и важнейшем» протекают отдельно и от держав к западу (сиречь Европы), и от стран к югу и востоку от нее (сиречь Азии). Столь необычную «субпланету» необходимо, полагал Николай Трубецкой, именовать Евразией. Более того, народы и люди, обитающие в ее пределах, «способны к достижению

такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые труднодостижимы для них в отношении народов Европы и Азии». От такой-то стартовой площадки и пришлось отталкиваться двум тонким полемистам недавнего прошлого. Сказать, что Дмитрий Лихачев не был согласен с евразийцами в целом и Львом Гумилевым в частности – значит не сказать ничего. Почти во всех его важнейших трудах по культурологии в том или ином виде присутствует данная тема. Модную идею так называемого евразийства академик выводил из ущемленного национального чувства некоторых русских мыслителей и эмигрантов, кои «сблизнились легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на восток, на Азию, а не на Запад». Отсюда, уточнил Лихачев, и возник вывод, «будто европейские законы не для России писаны, и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся».

Мы все отчетливее видим, что необходимо создать целостную историю отечественной культурологической мысли. Не сомневайтесь: наша гуманитарная наука справится с этой важной, ответственной задачей.

В то же время сухой остаток, по мнению Дмитрия Сергеевича, очевиден и прост: азиатское начало в русской культуре – мираж, а мы, россияне, «находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал – картографически». Отменный знаток истории, Лихачев, заявил, что в русской культуре чрезвычайно мало собственно восточных мотивов. А большую культуру, размышляет он, должны подкреплять и высокая культурная осведомленность, и культурная среда, которая владеет ценностями двух ключевых уровней – национального и общечеловеческого. Вывод в категориях Дмитрия Лихачева как будто напрашивается сам собой. Такая культуросфера, концентратом отражена в европейской, прежде всего в западноевропейской, духовности. «Европейская культура – культура общечеловеческая».

Юрий Зобнин.
Лихачевские аргументы расставлены по местам с железной, несокрушимой логикой. Но и послы Льва Гумилева не гештат отсутствием четких причинно-следственных зависимостей. Например, у него было поистине родственное чувство к монгольскому вождю Чингисхану. Мать Гумилева, поэтесса Анна Ахматова, считала себя чингизидкой, чьи корни восходят к потомкам

ордынского повелителя Ахмата. Того самого, который, так и не словив рати Ивана Великого, бежал осенью 1480 года с берегов Угры и принял смерть от рук своих заклятых ненавистников – тюменских татар, достигших его в восточной донской степи... Любопытно: современные генеалогические изыскания подтвердили, что Анна Андреевна действительно была чингизидкой. Правда, воинственный Ахмат к этому касательству не имел. Старинная ветвь русских дворян Ахматовых, к которой принадлежала прабабушка поэтессы Прасковья Федоровна, шла напрямую от служивых обрусевших татар, да и княжеского титула Ахматовых не знали, не ведали. Однако и тут не все однозначно. Есть сведения, что мать Прасковьи (и, соответственно, прапрабабушка Анны Андреевны) Анна Яковлевна Чегодаева происходила из фамильного гнезда князей Чегодаевых. А они вели свое родословие от сына Чингисхана Чагатая (Джагатая), умершего в 1242 году. Вот золотой ключик к тайникам гумилевской подоплеки. Мог ли Лев Николаевич

он, собирали земли вокруг Москвы, руководствуясь монгольскими принципами устройства власти – нормами, дотоле на Руси не ведомыми: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие. Само собой, традиции Чингисхана, ставшие костяком нашей нынешней ментальности, отнюдь не были столь варварскими, как это представляется западникам. Культурологу-следопыту, несомненно, нравился пафос товарищества и взаимовыручки в Чингизовом кодексе «Яса». Законы Чингисхана, указывавшие Лев Гумилев, карали смертью за убийство, за прелюбодеяние, за кражу, за воровство, грабеж, за кражу краденого, за кражу краденого раба, злонамеренное чародейство, трехкратное невозвращение долга и утайку чужого оружия. Также наказывалась кража, отвергавший просьбы путника о воде и пище. Тягчайшее преступление «Яса» усматривала в случае, если кто-то не желал помочь боевому товарищу. Не полагалось и угощаться в присутствии другого, не разделяя с ним трапезу. Без всякой пощады казнили изменников и гостеубийц, уничтожая заодно всех их родственников, поскольку склонность к предательству и вероломству была, по представлениям кочевых моралистов, дурным и неизлечимым наследственным «поветрием». Чингисхан, подытоживая профессор Гумилев, «сделал из своих подчиненных организацию фазы этнического подъема с общественным императивом: «Будь тем, кем должен быть».

Мне думается, что такое ощущение Руси – наследницы Чингизовой орды выплеснуто и в дивных строках Александра Блока: «В стеном думу блеснет святое знамя и ханской сабли сталь». Блоковские символы гармонично перекликаются с восприятием евразийца Гумилева, который, преклоняясь перед Великим Тураном, открыто отзывался о любом европейском влиянии на нашу страну. Северо-Восточная Русь, вошедшая в состав Монгольского улуса, оказалась, по мнению Гумилева, спасенной от католической экспансии, сохранив и самобытную культуру, и этническое своеобразие. Зато Юго-Западная, Червоная Русь, попав под гнет Литвы, а потом и Речи Посполитой, потеряла все ключевые константы – «и культуру, и независимость, и даже право на уважение».

Направо пойдешь – налево пойдешь...
Александр Запесоцкий.
Юрий Владимирович, вы коснулись весьма деликатной темы гумилевских отношений к Западу. Добавлю, что и

академик Лихачев – доброжелатель и вечный оппонент Льва Гумилева – тоже не видел в Европе какой-то идеальной, на свет которого призвана дельть по морю жгтейскому «отсталая Россия». Между тем есть ли классическое «западничество» без подобных восхлипов-призывов? Дмитрий Лихачев изучал национальный путь, решительно ревизуя привычные взгляды на роль XIII–XV столетий. Эту особенность подметили и иностранцы, в частности, Милнер-Гулланд, анализировавший лихачевскую работу «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого». Сам же академик высоко ценил постоянные попытки Льва Гумилева вносить в творческое постижение прошлого «элементы реконструкции». Оба мыслителя обладали качественно схожим видением нашего исторического марша. Они представляли его как целостный поступательный процесс, лишенный революционных всплесков и «чужесных» преобразований России то из азиатской в европейскую, то из европейской в азиатскую державу.

Но помимо сходств есть и принципиальные отличия. Для Лихачева Россия – часть Европы. И гумилевско-евразийскому «русскому этногенезису» он противопоставляет свой, европейский «русский культурогенезис», блестяще изложенный в «Культуре Руси времен Андрея Рублева...». Академик охватывает взглядом огромный событийный пласт. XIV столетие, чеканит он, является веком «интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе», включая, конечно, и Россию. Дальнейшая логика, пожалуй, не нуждается в теоремах – ей достаточно аксиоматических истин. В своей культуре Россия, утверждает Дмитрий Лихачев, почти не обременена восточными элементами. Таковой след начисто отсутствует в отечественной живописи. В литературе, правда, восточные сюжеты иногда мелькают, но попали они сюда, как ни парадоксально, из Западной или Южной Европы. Даже у «всечеловека» Пушкина мотивы Корана или Гафиза почерпнуты из западных источников. Россия, как и Европа, придавала гораздо больше значения борьбе Юга и Севера, чем Востока и Запада. С юга, с Балкан, из Византии и Болгарии пришла на Русь европейско-христианская культура, а с севера, из Скандинавии – европейско-языческая дружинно-княжеская военная организация. Русь, убежден Лихачев, надлежало бы скорее назвать Скандинавией, нежели Евразией. Европоцентристский пафос Дмитрия Лихачева предстает пафосом культуроцентристским, сходным по духу с позициями таких критиков Запада, как половецник Федор Достоевский и философ Александр Зиновьев. Не случайно Зиновьев признавал, что западноевропейская культура достигла высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, никогда не опускалась до плебейских масс, но, наоборот, поднимала народные низы до своей запредельной планки. Вряд ли кто-нибудь из «вершинных» евразийцев – от Николая Трубецкого до Льва Гумилева – мог бы всерьез отрицать столь глубокую и искреннюю характеристику.

Но кто же все-таки прав в сем споре: Лихачев или Гумилев? Черта Истины пока не подведена. Возможно, что глядя на одно и то же исполниское явление – Россию под разными углами зрения, правы оба. Интереснее другое: обсуждая подобные проблемы в среде петербургской профессуры, мы все отчетливее видим, что необходимо создать целостную историю отечественной культурологической мысли. Не сомневайтесь: наша гуманитарная наука справится с этой важной, ответственной задачей.

Подготовил Яков Евглевский

справка

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич – профессор, ректор Гуманитарного университета профсоюзов, специалист по научному наследию академика Дмитрия Лихачева.

ЗОБНИН Юрий Владимирович – профессор, заведующий кафедрой литературы СПбГУП. Занимается литературой Серебряного века и трудами Льва Гумилева.

